

МИЛАНА СЕДИНА
ЮНОНА СТАНГАРД

БОЛЬШЕ
ЛЮДИ
В ДВИЖЕНИИ

БЫСТРЕЕ
ДАЛЬШЕ
ВМЕСТЕ

СЕГОДНЯ
ЛУЧШЕ,
ЧЕМ ВЧЕРА

ИНЖЕНЕР
СОЗДАЕТ
ВОЗМОЖНОСТИ

ЛЕД
ВДОХНОВЛЯЕТ

**МОЙ
ШОРТ-ТРЕКИСТ**

ОСТРЫЙ КЛИНОК

**Милана Седина
Юнона Стангард
Мой шорт-трекист.
Острый клинок**

<https://litres.ru/74599769>

SelfPub; 2026

Аннотация

Для Руслана Амирова я — девчонка с Физтеха, чьи новые лезвия он назвал «кабинетной дичью». Для меня он — упрямый чемпион Европы по шорт-треку, который скорее сорвет старт, чем доверится моим расчетам. Но когда в меня летит сорвавшийся конек, Руслан закрывает меня собой. Теперь его карьера зависит от клинков, созданных моими руками, а мое сердце слишком опасно реагирует на каждое его прикосновение. Я пришла в сборную доказать, что мои разработки работают. Не влюбиться в мужчину, привыкшего побеждать. Только тем, кто наживается на бракованном инвентаре, не нужны ни его рекорды, ни моя правда. Они готовы сломать наши клинки. А мы — довериться друг другу на самом остром вираже.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	27
Глава 5	33
Глава 6	42
Глава 7	49
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Милана Седина

Мой шорт-трекист.

Острый клинок

Мой шорт-трекист. Острый клинок
Милана Седина и Юнона Стангард

Глава 1

В чаше коломенского конькобежного центра гулко вибрировали мощные фреоновые компрессоры, гоня по подземным трубам ледяной хладагент. Воздух пах острой морозной взвесью, разогретым кевларом и технической мастикой. Сквозь гул компрессоров пробивался сухой шелест наста, по которому со свистящим звоном чертили стальные лезвия. За годы учебы на Физтехе я привыкла к холоду экспериментальных установок, но здесь, у самой кромки овала, плотность стылого воздуха казалась почти осязаемой на губах.

Термометр на техническом табло показывал плюс восемь. Мои пальцы в тонких неопреновых перчатках почти не мерзли, но металл штатива инфракрасной камеры Qualisys жег ладонь сквозь ткань. Я стояла вплотную к внешнему радиусу первого виража, прямо за полуметровой толщиной темно-синих поролоновых матов. В десяти метрах от меня, разрезая стылый воздух с сухим свистящим шипением, летел черный силуэт.

Руслан Амиров.

Капитан спринтерской группы сборной. Сто девяносто два сантиметра жестких, спрессованных тренировками мышц, затянутых в черный кевларовый комбинезон. На дистанции в пятьсот метров он напоминал не человека, а разогнанный гидродинамический снаряд. Он шел по дуге на ско-

рости пятьдесят восемь километров в час, заложив корпус внутрь виража так низко, что кончики пальцев его левой перчатки едва не чертили по ледовому зеркалу.

Я прильнула к оптическому видоискателю, удерживая лазерную метку на стакане его левого конька.

Водяная взвесь, срезанная четырьмя клинками шедшей группы, стояла над овалом плотным туманом. Кварцевое стекло объектива мгновенно затянуло микроскопическими каплями, прибор пискнул, теряя контраст.

— Черт, — сквозь зубы процедила я.

Отступать в судейскую ложу означало сорвать замер. Я сдернула микрофибровую салфетку, одним круговым движением смахнула влагу с линзы, переключила контроллер на коротковолновый диапазон в восемьсот пятьдесят нанометров и шагнула вперед, вжавшись бедрами в верхний срез мата.

Экран планшета моргнул и ожил. Тепловой след лезвия на льду высветился алым пунктиром.

— Есть, — выдохнула я.

И в ту же секунду увидела то, о чем твердила тренерскому совету три недели подряд. На апексе дуги голландское лезвие Maple под правой ногой Амирова изогнулось дугой. Деформация стали составила целых 1.4 миллиметра при наклоне в тридцать два градуса. Заводской сплав не держал пиковую нагрузку в 3.2G — на выходе из виража конёк Руслана микроскопически рыснул, соскальзывая с ребра. Руслан удерж-

жал равновесие только за счет чудовищной силы голеностопа, но потерял драгоценные сотые доли секунды.

Но шедший следом юниор из группы Валеева такой силы не имел.

Парень попытался срезать дугу по малому радиусу, нагло накатывая капитану под правую руку. Его конек попал ровно в ту же точку ледового наноса, где лезвие Амирова только что выбило микротрещину.

Сухой щелчок лопнувшего металла разорвал гул арены, как выстрел мелкокалиберной винтовки.

Вместо того чтобы зажмуриться, я машинально вдавила кнопку серийной фиксации на торце планшета. Камера щелкала со скоростью двести кадров в секунду, бесстрастно фиксируя катастрофу. Внутренняя структура льда на выраже лопнула: под глянцевой коркой вскрылась рыхлая температурная каверна.

Юниор с глухим криком взмахнул руками, высекая снопы искр, и на полном ходу рухнул плашмя. Его закрутило, как тряпичную куклу, швырнуло о борт, а сорвавшийся с ботинка правый конек — тяжелый полуметровый стальной нож на карбоновой колодке — взмыл в воздух.

Он вращался в воздухе хищным серебряным пропеллером, с воем рассекая воздух, и летел прямо в меня.

Все произошло за четверть секунды. Мой мозг, привыкший оперировать векторами скоростей, успел вычислить траекторию: удар придется в район ключицы или горла. Я

стояла, скованная тяжелым штативом в руках, не успевая даже выставить руку.

А потом мир перевернулся.

Руслан, завершавший вираж впереди, должен был уходить по прямой к финишу. Но боковым зрением он выхватил и полет сорвавшегося лезвия, и мою фигуру у борта.

Он с яростным, сокрушительным скрежетом вонзил оба полоза поперек движения. На скорости под шестьдесят километров в час сорвать коньки в силовой юз — значит добровольно разорвать связки или переломать суставы. Руслана крутануло, но он использовал вращение как катапульту и выбросил свое тело в отчаянном диагональном прыжке прямо через разделительную линию — в меня.

Удар был сокрушительным.

Восемьдесят восемь килограммов тренированного, твердого, как камень, тела сбили меня с ног. Штатив с грохотом отлетел в сторону. Мы вместе рухнули в полуметровую толщу поролонового мата. Руслан накрыл меня целиком, вжав моё тело в податливую упругость мата и заслонив широченной спиной.

Прямо над моим ухом раздался мерзкий чавкающий звук: летящий конёк вспорол кевларовую накладку на правом бедре Руслана и с глухим металлическим звоном намертво вонзился в синий пластик мата — ровно в двух сантиметрах от моего виска.

Воздух вышибло из моих легких.

Я лежала под ним, задыхаясь, чувствуя каждую линию его тяжелого, раскаленного тела. От Руслана пахло соленым потом, холодной тканью комбинезона и тем чистым, диким мускусным жаром, который исходит только от предельно разогретого сильного мужчины. Его лицо оказалось в нескольких сантиметрах от моего. Сквозь прозрачный пластик визора я видела его глаза — темно-серые, злые, с сузившимися в иглы зрачками.

Он тяжело, прерывисто дышал мне прямо в губы, обжигая озябшую кожу.

— Не двигайся, — хрипло выдохнул он.

Его голос вибрировал в грудной клетке, отдаваясь прямо в моих ребрах. Он попытался опереться на локти, чтобы приподняться и снять с меня вес, но в ту же секунду его лицо исказила гримаса острой боли. Мышцы его правого бедра под разорванным кевларом свело судорогой, набухая тяжелым багровым узлом.

— Руслан, лежи! — Мои ладони сами вцепились в его плечи, обтянутые плотной тканью. Они были жесткими, широкими, как стальные балки. — Замри. Я держу тебя.

Он замер, уронив голову мне на плечо. Мокрая ткань его подшлемника коснулась моей шеи. На мгновение мне показалось, что я слышу, как его сердце молотит по ребрам с частотой сто восемьдесят ударов в минуту — тяжело, гулко, заполняя всю вселенную.

— Ты цела? — глухо спросил он в воротник моей куртки.

— Цела. Благодаря тебе.

Я осторожно высвободила правую руку, нащупала застёжку шлема под его подбородком и расщелкнула замок, осторожно сняв шлем. Руслан шумно втянул ледяной воздух арены. Его черные короткие волосы промокли от пота, пряди прилипли ко лбу, на скулах ходили желваки.

Я опустила взгляд к его разорванному комбинезону. Бедро стремительно наливалось гематомой от удара тяжелым стальным стаканом конька. Насколько серьезна травма, сейчас мог определить только врач.

— Дождись врача, — быстро проговорила я, глядя ему прямо в глаза. — На такую ногу сейчас опираться нельзя. Слышишь, Амиров? Побудь хоть минуту умнее своего упрямства.

Руслан чуть приподнялся на локте и криво, зло усмехнулся:

— Ты кто вообще такая? Свалилась на мою голову со своим штативом...

— Сафина Камилла Дамировна. Ведущий инженер лаборатории спортивной биомеханики МФТИ, — я твердо выдержала его колючий взгляд. — Та самая, чьи клинки переменного радиуса ты сегодня утром обозвал «кабинетной дичью» и отказался ставить на раскатку. Дыши ровно, Амиров.

К матам уже бежали люди. Грохотали по резиновым дорожкам коньки напарников по спринтерской группе, среди которых я узнала Матвея Киселева, звенели медицинские

чемоданчики.

Руслан выругался и сделал яростную попытку встать на лезвия, пытаясь скрыть слабость перед командой. Его правая нога подломилась, он качнулся назад.

Я мгновенно поднырнула плечом под его левую руку, обхватила его поперек ребер обеими руками и приняла почти треть его веса на себя, намертво уперев подошвы ботинок в настил.

Руслан вздрогнул. Мужчина под два метра ростом и весом под девяносто килограммов явно не ожидал, что худенькая девушка в пуховике способна удержать его на ногах. Его тяжелая ладонь в защитной перчатке легла мне на плечо, сжав ткань до скрипа. Он позволил мне держать себя.

— Носилки! — закричал подбежавший дежурный врач базы, на ходу расстегивая медицинскую сумку. — Срочно носилки! В медблок на осмотр! До моего решения никаких стартов!

— С ума сошел?! — прорычал Руслан, и в его голосе зазвенела такая ярость, что фельдшер невольно отшатнулся. — Я сегодня бегу контрольный забег! Попробуй только тронуть меня своими носилками!

— Я останусь с ним, — твердо сказала я и повернулась к подошедшему главному тренеру сборной Ильдару Сабиновичу Бахтиярову. — У меня есть вся запись падения. Покажу врачу, как пришелся удар. А если Руслана допустят к заезду — подготовлю инвентарь. Под мою личную ответственность.

За соседним матом второй медик уже помогал упавшему юниору. Парень отвечал на вопросы, придерживая локоть. Матвей присел рядом с ним, а врач кивнул фельдшеру: пострадавшего тоже уводили на осмотр.

Бахтияров — седой, кряжистый ветеран с тяжелым, проныцательным взглядом — перевел глаза с меня на Руслана, который буквально висел на моем плече, вцепившись пальцами в мою куртку.

— Сафина, — глухо произнес тренер. — Допуск решает врач. А если твои клинки подведут парня — ты вылетишь с этой базы навсегда.

— А если выйдет и побьет рекорд — вы поставите мои клинки на вечерний заезд, — отрезала я.

Бахтияров усмехнулся в усы:

— По рукам. В медблок его. Живо.

Глава 2

В процедурном кабинете пахло камфорой, медицинским спиртом и стерильным бинтом. Белый кафель стен отражал холодный свет люминесцентных ламп.

Врач закончил осмотр, сверился с записью падения и оставил Руслана в медблоке под наблюдением. Решение о заезде он обещал принять после проверки движений.

Руслан сидел на краю высокой металлической кушетки, сбросив комбинезон до пояса. Темный спортивный топ плотно облегал его мощную грудь и рельефный пресс; длинные, скульптурно очерченные мышцы бедер сейчас были напряжены до предела. На правом бедре проступало сине-багровое пятно размером с чайное блюдце.

С разрешения врача я закрепляла датчики для контрольной записи движений. Я выдавила из тубы порцию контактного геля. Прозрачная холодная масса упала на кожу Руслана. Он резко дернулся, мышцы под моей рукой моментально закаменели, выталкивая аппликатор.

— Холодно, черт... — сквозь сжатые зубы бросил он.

— Терпи, Амиров.

Я отложила пластиковый датчик, растерла порцию геля между собственными ладонями, чувствуя, как он нагревается от моего тепла, и без колебаний опустила горячие руки на неповрежденный участок его голого, напряженного бедра.

Руслан шумно втянул воздух. Его пальцы впились в край кушетки так, что побелели костяшки. Кожа на его бедре была горячей, с мелкими мурашками от озноба. Я осторожно распределила согретый гель под датчиком, обходя ушиб. Руслан следил за каждым движением моих пальцев, и от этого взгляда мне самой становилось жарко.

— Расслабься, — негромко сказала я, поднимая на него глаза. — Твое тело сейчас сопротивляется мне, думая, что я враг. Я не сделаю тебе больно.

Руслан смотрел на мои руки, потом перевел взгляд на мое лицо. В глубине его серых глаз плеснуло что-то незнакомое — смесь недоверия, боли и внезапного, острого мужского интереса. Его дыхание стало глубже. Он понемногу расслаблялся под моими ладонями, позволяя закрепить датчик.

— У тебя руки горячие, — хрипло заметил он.

— Потому что я знаю, куда нажимать. На Физтехе анатомию мышечной кинематики преподают не хуже квантовой физики.

Дверь процедурной с грохотом распахнулась, ударившись о стену.

— Что здесь происходит?! — раздался визгливый, властный голос.

В кабинет влетел Ринат Валеев — старший тренер второй спринтерской группы, в дорогом итальянском пуховике поверх тренировочного костюма. За его спиной топтались двое чиновников из технического комитета федерации.

— Валеев, стучать не учили? — холодно бросил Руслан, сохраняя каменную неподвижность на кушетке.

— Ты с ума сошел, Амиров?! — Валеев брызгал слюной, тыча в меня коротким толстым пальцем. — Какая-то девка лапает ведущего спринтера страны перед контрольными прокатами! Кто ее пустил?! Вон отсюда! Я сейчас же вызываю коменданта базы!

Я удержала твердый взгляд на чиновнике. Спокойно взяв бумажную салфетку, я вытерла руки, подошла к столу и повернула экран планшета к остолбеневшим чиновникам.

— Взгляните сюда, Ринат Тагирович, — мой голос звучал ровно, как лезвие скальпеля. — На графике — динамическая деформация лезвий Maple, закупку которых вы лично продавили через министерство. На угле тридцать два градуса прогиб полотна составил 1.4 миллиметра. Вот спектрограмма каверны во льду. Падение юниора произошло ровно потому, что голландская сталь срезала температурный наст. Если мы передадим эти данные в независимую техническую комиссию ISU — контракт аннулируют за сорок восемь часов, а вас дисквалифицируют за фальсификацию инвентаря.

Лицо Валеева пошло пятнами — сначала серыми, потом пунцовыми. Он открыл рот, но не нашел ни одного слова.

Стоявший в дверях Бахтияров хмыкнул, перехватил Валеева за локоть и буквально выставил его в коридор:

— Заткнись, Ринат. И закрой дверь с той стороны. Камилла, продолжай.

— Где мои запасные коньки? — Руслан повернулся к Бахтиярову, опуская ноги на пол. — Те, что на старых стаканах? В коридоре послышался испуганный голос кладовщика: — Ильдар Сабинович... Ключи от багажника микроавтобуса Валеев с собой унес. До вечера коньков не достать.

В кабинете повисла тяжелая тишина. Руслан сжал кулаки так, что хрустнули суставы. Лицо его потемнело от бессильного бешенства: без коньков контрольный старт был сорван, а значит — прощай первый номер в сборной на Кубке страны.

Я молча подошла к стулу, на котором лежал мой тяжелый карбоновый кейс. Щелкнули кодовые замки. Откинулась крышка, обитая черным бархатом.

Внутри лежала пара сверкающих клинков.

Авиационная хромованадиевая сталь. Переменный радиус кривизны: двадцать один метр на входе в поворот, плавный параболический переход и девять метров в точке апекса. Толщина полотна — ровно 1.1 миллиметра. На зеркальной поверхности клеймом горела лазерная гравировка: «Вектор-М. Сафина».

— Запасных нет, Руслан, — тихо, но отчетливо произнесла я, глядя ему прямо в зрачки. — Но есть эти. Они рассчитаны на суперкомпьютере МФТИ под твой вес, твой взрывной шаг и твою амплитуду наклона. Либо ты продолжаешь бояться нового и остаешься зрителем на трибуне... Либо ты доверяешь мне. Прямо сейчас.

Руслан долго смотрел на меня. В тишине кабинета было слышно только, как тихо гудит вентилятор на моем планшете.

Потом он медленно поднялся с кушетки, осторожно шагнул ко мне и опустил свою огромную ладонь на холодную сталь клинка.

— Пошли в мастерскую, Сафина. Ставь свои железки.

Вакс-комната сборной встретила нас запахом парафина, жженого масла и железной стружки. Наждачные станки молчали.

Я установила карбоновый ботинок Руслана на верстак. Штатный регулировочный станок базы оказался с сорванной резьбой — механик Валеева Греков явно позаботился об этом заранее. Оставив чужую подлость без единого лишнего слова, я открыла свой рюкзак и извлекла портативные титановые кондукторы с цифровыми нониусами. Мои пальцы действовали быстро и точно: продольное смещение лезвия — строго 0.02 миллиметра внутрь дуги, вынос носка — три с половиной миллиметра.

Руслан стоял рядом, опершись о край верстака. Он не отрываясь смотрел на мои руки.

— Откуда ты такая взялась? — негромко спросил он. В его голосе больше не было насмешки — только глубокое, затаенное удивление. — Девчонка с тоненькими пальцами крутит титан, как будто всю жизнь на заводе стояла.

— Мой отец был главным конструктором на авиазаводе в

Казани, — я нанесла каплю синего анаэробного фиксатора на резьбу крепежного болта. — Он учил меня, что металл чувствует страх. Если ты не уверена в себе — винт сорвет резьбу. А я в своих расчетах уверена.

Динамометрический ключ в моих руках издал сухой металлический щелчок: ровно 5.2 Ньютон-метра. Клинок отошел чистым, звонким колокольным звуком на щелчок ногтя. Идеально.

Перед заездом врач проверил Руслана еще раз и разрешил короткий контрольный старт с условием: при усилении боли сразу сходить. Бахтияров выслушал это молча, затем кивнул.

Мы вышли в предбанник у калитки арены. Руслан сел на деревянную скамью, сунул стопу в ботинок и попытался наклониться, чтобы завязать шнурки. Сдавленный вдох сорвался с его губ: при наклоне затейпированное бедро неприятно потянуло.

Решение пришло мгновенно: опустившись перед ним на колени на холодный резиновый пол, я перехватила плотные кевларовые шнурки.

— Сиди ровно, — велела я.

Я положила его тяжелую, затянутую в карбон стопу себе на колено. Мои пальцы методично, ярус за ярусом, начали стягивать вощенный шнур, чувствуя сквозь плотный язык ботинка мерную пульсацию артерии на его подъеме.

— Дыши. Пятка должна сидеть мертво, но свод стопы нельзя пережимать — на третьем круге сведет стопу.

Руслан замер. Его широкая ладонь в кожаной перчатке медленно опустилась мне на плечо. Прикосновение было тяжелым, теплым и неожиданно бережным. Я подняла голову.

Наши лица снова оказались в считанных сантиметрах друг от друга.

— Никто никогда не шнуровал мне коньки, Сафина, — очень тихо, почти шепотом сказал он. Его темные глаза прожигали меня насквозь. — Ни один человек в жизни. С детства привык все затягивать сам. Зубами, если пальцы ломало.

— Привыкай, Амиров, — моё сердце отчего-то пропустило удар, но голос остался твердым. — Твои секунды теперь зависят от моих рук.

Я завязала тройной морской замок, поднялась с колен и встала в проеме калитки, преграждая ему выход на лед. Руслан уже порывался сделать взрывной шаг на овал. Я уперлась ладонью прямо в середину его твердой груди.

— Стоять. Три минуты шага по резиновой дорожке — в чехлах. Проверим посадку ботинка и крепление. Только потом — на лед.

Стоявшие у борта юниоры и второй тренер застыли с открытыми ртами: свирепый капитан сборной, перед которым трепетали даже судьи, криво усмехнулся, опустил взгляд на мою ладонь, прижатую к его груди, и послушно зашагал по резиновому настилу.

Глава 3

Чтобы лезвие «Вектор-М» показало расчетную скорость, ему требовалась идеальная зеркальная микрофаска — шероховатость не грубее Ra 0.025 микрона. Достичь такого класса на обычной шлифовальной машинке было невозможно.

Нужен был черный арканзасский новакулит — природный камень для тонкой доводки. И я знала, у кого он есть.

Я спустилась в полуподвальный сектор арены, под трибуны сектора «Б». Здесь, в узкой мастерской с низким сводчатым потолком, пахло гарью, веретенным маслом и табачным дымом. За массивным чугунным верстаком 1968 года выпуска стоял Михаил Сергеевич Киселев — легендарный дядя Миша, точивший коньки еще советским олимпийским чемпионам.

Седой, коренастый старик в засаленном брезентовом фартуке правил чье-то полотно грубым корундовым бруском.

— Михаил Сергеевич, — позвала я от порога.

Дядя Миша медленно повернул голову. Из-под косматых седых бровей на меня уставились выцветшие, цепкие глаза:

— Чего надо, барышня? Опять из министерства с проверкой? Иди отсюда, не мешай. Сталь не любит, когда над душой сопли распускают.

Я прошла к верстаку, не обращая внимания на его ворчание, взяла со стола прецизионный штангенциркуль, прило-

жила губки к зажатому в тисках лезвию и отчеканила:

— Хромованадиевый сплав, шестьдесят четыре единицы по Роквеллу. Радиус кривизны двадцать один и четыре десятых метра, угол наружной фаски восемьдесят девять и два градуса. Если снимать заусенец этим вашим синтетическим электрокорундом, на кромке останется волна в три микрона. На шестидесяти километрах в час Амиров потеряет четыре сотых на каждом круге. Мне нужен ваш Arkansas Black. Тот самый, что лежит во втором ящике под промасленной ветошью.

Дядя Миша замер. Корундовый брусок в его узловатых, черных от металлической пыли пальцах опустился на верстак. Старик медленно выпрямился, оглядывая меня с головы до ног, и в уголках его рта дрогнула усмешка:

— Ишь ты... Грамотная. А ну-ка, физтеховская гордость, проверку выдержишь?

Он выдвинул ящик, достал три одинаковых черных лезвия без маркировки и бросил их на кусок серого войлока:

— Найди вслепую то, где Валеев фаску пережег на сухом наждаке. Глазами не зыркать. Руками щупай, коли мастер.

Я стянула перчатку, закрыла глаза и опустила пальцы на холодный металл.

Подушечка моего безымянного пальца медленно скользнула вдоль тончайшей грани первого полотна. Холодная, однородная сталь. Второе... На сороковом миллиметре от носка подушечка уловила едва заметное, микронное сопротив-

ление — еле слышный скачок плотности металла.

— Второе, — не открывая глаз, сказала я. — Локальный перегрев свыше двухсот сорока градусов при сухой обдирке. Кристаллическая решетка отпущена, твердость упала до пятидесяти шести единиц. На третьем вираже это полотно сомнет, как жесь.

Дядя Миша грохнул ладонью по верстаку так, что подпрыгнули гаечные ключи:

— Ай да девка! В яблочко! Глаза б мои этого недоучки Валеева не видели!

Он полез в несгораемый сейф в углу и бережно вытащил тяжелую шкатулку из мореного дуба. Внутри, на зеленом сукне, покоился узкий чернильно-черный камень, гладкий, как полированное стекло. Настоящий природный новакулит.

В этот момент дверь скрипнула. В мастерскую скользнул Артем Греков — личный механик Валеева, парень с бегающими крысьими глазками. Он нагло шагнул к столу, протягивая руку к шкатулке:

— Положи камень, старик. Ринат Тагирович приказал опечатать весь инструмент до конца сборов. А посторонним вход в боксы запрещен!

Прежде чем Греков успел дотронуться до дерева, дядя Миша молниеносным движением подхватил с верстака тяжелый разводной ключ сорок восьмого номера и со звоном впечатал его чугунные губки в столешницу — ровно в миллиметре от пальцев Грекова.

— Пасть захлопни, щенок! — прохрипел старик, нависая над парнем. — Этот камень мой отец в шестьдесят седьмом из Свердловска на поезде вез, когда твоего Валеева еще на свете не было! Пошел вон, пока я тебе пальцы в тиски не вогнал!

Греков отпрянул к двери, бледный как полотно.

— Вы пожалеете, старик... Оба пожалеете! — прошипел он и вылетел в коридор. На пороге из его кармана с металлическим звоном выпала тяжелая связка ключей от технических шлюзов арены.

Я подняла ключи и передала дяде Мише:

— Коменданту вернете. Пусть проверит, почему механик Валеева разгуливает с ключами от всех шлюзов.

Дядя Миша нахмурился, убрал связку в запирающийся ящик, и я повернулась к верстаку.

Дядя Миша капнул на черный камень две капли прозрачного веретенного масла с дисульфидом молибдена:

— Давай, Камилла. Доводи клинки. Руслан на этих ползьях лететь должен.

Я вела лезвие «Вектора» вдоль камня плавными, выверенными движениями под углом ровно восемьдесят девять с половиной градусов. Абразив тихо, тонко звенел на высокой ноте. Через двадцать минут режущая кромка превратилась в зеркальную полосу абсолютной чистоты.

Но тревога не отпускала меня. Зачем Греков вертелся у технического шлюза?

Взяв со стеллажа тяжелый поисковый неодимовый магнит на восемьдесят килограммов тяги, я поднялась на арену. Ледовый овал пустовал, над дорожкой горел только дежурный свет. Через десять минут должен был начаться заезд Руслана.

Я вышла в бахилах на лед первого виража, наклонилась и повела магнитом в трех сантиметрах от поверхности — ровно по траектории предельного крена.

Клац! Клац-клац!

С глухим металлическим треском на рабочую плоскость магнита налипла густая «борода» из острых, каленых стальных опилок.

У меня перехватило дыхание.

Они рассыпали металлическую стружку от точильного станка прямо на апексе поворота. На скорости шестьдесят километров в час полотно конька толщиной всего 1.1 миллиметра наехало бы на эту стружку... Мгновенный срыв, потеря сцепления — и Руслан на полной скорости вылетел бы головой в металлический борт за матами.

Это была не просто подлость. Это было покушение.

Я методично, шаг за шагом, прочесала магнитом весь вираж, собрав до последней крупички смертоносный металл. Затем достала пирометр и щелкнула лазерным лучом по ледовому зеркалу.

Минус 8.2 градуса.

— Идиоты... — прошептала я.

Они переморозили лед. При такой температуре ледовый

массив становился хрупким, крошился под лезвием, не давая пластического микротаяния, необходимого для скольжения.

Я бегом бросилась в диспетчерскую компрессорного блока. Найдя опешившего дежурного инженера, я положила перед ним расчетную карту температурных градиентов МФТИ:

— Проверьте настройки контура и влажность! На выраже посторонняя стружка и лед крошится под лезвием. Я передам фотографии Бахтиярову. До проверки дорожки заезд переносим!

Инженер побледнел и торопливо защелкал тумблерами компрессоров. Я вызвала Бахтиярова по телефону, отправила ему снимки и потребовала перекрыть технические выходы. Стружку сохранила в пакете для проверки.

Старт задержали. Только после повторного осмотра и обработки дорожки Бахтияров дал команду готовиться.

Когда я вернулась к стартовому мостику, Руслан уже стоял на льду у борта, разминая плечи. Затейпированная нога явно давала о себе знать — в уголках его губ залегла жесткая складка напряжения.

Я подошла к нему вплотную, взяла его большие руки в свои ладони и заглянула прямо в глаза:

— Опилки убраны. Дорожку проверили. Кромка выведена на черном новакулите. Геометрия не подведет тебя, Руслан. Помни условие врача. Всё остальное — твое.

Руслан посмотрел на меня. Вся тревога, все сомнения в

его взгляде сгорели, уступая место холодному, дикому пламени берсерка. Он сжал мои пальцы до хруста:

— Смотри на табло, Камилла. Этот заезд — для тебя.

Глава 4

Чаша арены замерла. Софиты выхватывали из темноты ослепительно белую стартовую черту.

У судейского бортика стоял Бахтияров с электронным сплит-хронометром в руках. Рядом с ним нервно переминался Валеев, сжимая в пальцах протокольный планшет. Я стояла у матов на выходе из виража, прижимая к груди приемник фотофиниша.

Руслан занял низкую стартовую стойку у линии.

Его фигура в черном комбинезоне застыла, превратившись в сжатую стальную пружину. Вес распределен строго шестьдесят на сорок — точно так, как мы рассчитывали в лаборатории.

— *Ready!* — рявкнул электронный стартер.

Пауза в две секунды показалась вечностью.

БАХ!

Стартовый выстрел разорвал тишину.

Руслан сорвался с места взрывом чистой ярости. Первые три шага — жестокие, рубящие удары коньками в лед. Я видела, как непривычно жесткая параболическая кромка «Вектора-М» передала колоссальный вращательный момент в его правое бедро. На долю секунды его плечо дернулось от усилия, но он не сбавил ход. Напротив — удлинил толчок на четыре сантиметра, перенося вектор силы глубже на носок

ботинка.

Лезвия врубались в податливый коломенский лед с глухим, хищным звоном. Упругая деформация клинка сработала как катапульта: Руслан пролетел первые сто метров за фантастические 9.65 секунды!

— Пошел, родной! — не своим голосом заорал Бахтияров у борта.

Выход на прямую. Скорость перевалила за пятьдесят пять километров в час. Встречный поток воздуха ударил в грудь спортсмена, пытаясь приподнять корпус. Но Руслан мгновенно среагировал: вжал подбородок в левое колено, убрал руку за спину, уменьшая лобовое сопротивление до предела. Турбулентный шлейф за его спиной схлопнулся. Он шел со скоростью шестьдесят два километра в час!

И впереди был решающий третий вираж.

Момент истины.

Центробежная перегрузка на этой дуге вдавливала человека в лед с силой в три сотни килограммов. Я видела, как напряглись его плечи. Он столько лет берегся срыва на вираже — решится ли сейчас довериться новым клинкам?

На долю секунды, на входе в поворот, он бросил взгляд сквозь визор на меня. Я стояла у борта, не дыша.

«Верь стали, Руслан!» — крикнула я одними губами.

И он поверил.

Вместо спасительного расширения траектории Руслан с диким, первобытным рыком ввинтил свое тело внутрь ви-

ража — по немыслимому, смертоносному радиусу в девять метров!

Его корпус лег к горизонту под углом в тридцать градусов.

Казалось, законы физики перестали существовать. Пальцы левой перчатки коснулись зеркала льда, высекая сноп ледяных брызг. Но инновационные клинки переменного радиуса «Вектор-М» не сорвало! Переменная кривизна приняла на себя центробежный удар, полотно врезалось в лед, как рельс скоростного поезда.

Апекс!

В точке максимального сжатия лезвие изогнулось, накопило энергию перегрузки — и на выходе из дуги распрямилось титановой пружиной, буквально выстрелив Руслана на финишную прямую с приростом скорости еще в два километра в час!

Он летел к финишу. Последний шаг — Руслан выбросил правую ногу вперед в глубочайшем конькобежном шпагате.

Черный носок конька пересек створ.

Лазерный луч фотофиниша щелкнул.

И в ту же секунду гигантский медиакуб под сводами пяти тысячной арены вспыхнул ослепительными золотыми цифрами:

39.82

На табло горело тренировочное время, на двадцать восемь сотых секунды перекрывавшее официальный рекорд Европы.

В чаше арены повисла мертвая, ошеломленная тишина.

Секундомер в руках Бахтиярова со стуком упал на резиновый пол. Валеев у судейского столика побелел, судорожно хватая ртом воздух, как выброшенная на берег рыба.

А потом тишину взорвал оглушительный, безумный рев Бахтиярова:

— ЕБАТЬ! ОН СДЕЛАЛ ЭТО! ОН ЭТО СДЕЛАЛ!

Взгляд Руслана миновал судейскую ложу и тренеров. Гася чудовищную инерцию бега, он устремился напрямик к нашему сектору. На скорости под сорок километров в час он заложил крутой веерный вираж обоими полозьями, взметнув в воздух двухметровую искрящуюся стену ледяной крошки прямо передо мной, и с грохотом врубился ладонями в синий защитный мат — по обе стороны от моих плеч.

Ледяная пыль осыпала мои волосы, ресницы, щеки.

Я оказалась заперта в кольцо его могучих рук. Руслан сорвал с лица шлем, отбросил его в сторону. Его лицо — мокрое от пота, шальное, дикое, с горящими темным огнем глазами — было в одном сантиметре от моего. Я чувствовала обжигающий жар его дыхания на своих губах.

— Ты видела, Сафина?! — хрипел он, задыхаясь от бешеного восторга. — Ты видела это табло, черт тебя побери?!

Его пальцы сжались на мате так, что треснул винил. Он смотрел на меня так, словно во всем огромном мире сейчас существовали только мы двое на этом клочке коломенского льда.

— Тридцать девять восемьдесят две, Руслан, — выдохнула я, и счастливые слезы обожгли мои глаза. — Ты быстрее рекорда континента.

— Не я, — он прижался своим разгоряченным лбом к моему лбу, закрывая глаза. — Мы. Твоя сталь... Твои руки. Ты сотворила чертовое чудо, Камилла.

К бортику уже бежал Валеев, багровый от бессильной злобы:

— Заезд не засчитан! Инвентарь не сертифицирован комиссией! Я требую дисквалификации! Я доложу министру!

Бахтияров шагнул навстречу чиновнику, перехватил его за лацканы пальто и встряхнул с такой силой, что у Валеева щелкнули зубы:

— Заткнись, мразь! Это контрольный заезд, а не официальный рекорд! Результат подтвержден хронометражем и записью! С этой минуты Сафина Камилла Дамировна официально назначена ведущим инженером-биомехаником национальной сборной! Амиров будет бежать только на ее клинках! А ты пошел вон с арены!

Валеев сжался, затравленно огляделся вокруг и попятился к выходу, растворяясь в полумраке тоннеля.

Бахтияров повернулся к нам, вытащил из кармана тяжелый стальной ключ с массивным латунным брелоком и протянул его мне:

— Держи, Камилла Дамировна. Бокс номер четыре в цоколе арены. Отдельный вход, автономная вентиляция, сило-

вые розетки. Переоборудуйте под вашу личную лабораторию. С сегодняшнего дня вы подчиняетесь только мне.

Руслан медленно отстранился от матов, поднял с пола мой тяжелый инструментальный кейс одной рукой, словно он ничего не весил, а второй — крепко, властно переплел свои пальцы с моими. Его ладонь была горячей и шершавой.

— Пойдем, Камилла, — негромко сказал он, глядя на меня с такой нежностью и защитной силой, от которой у меня сладко заныло в груди. — Нам нужно обустроить наш бокс. Теперь здесь всё будет по нашим правилам.

Мы шагнули с ним в темный служебный коридор арены, уходя прочь от чужих глаз. Впереди нас ждала глухая бронированная дверь бокса номер четыре — и грандиозная битва, истинный масштаб которой нам только предстояло познать.

Глава 5

Сырой утренний туман висел над гладью Москвы-реки, укутывая стеклянный купол коломенского конькобежного центра в сизую марлевую завесу. Я шагала по бетонному пандусу служебного входа, толкая перед собой тележку с двумя тяжелыми кофрами. Внутри глухо вздрагивали лазерные интерферометры, прецизионные калибровочные пластины и скоростная оптоэлектронная камера — всё то, что профессор Воронов с боем выбил для меня на кафедре прикладной механики МФТИ.

Руки немели от тяжести, плечи ныли, но в кармане пуховика лежала не просто служебная записка. Вчерашнее ночное объявление Бахтиярова на льду было полевым командирским решением, которое за ночь Валеев попытался аннулировать через клерков технического комитета, опечатав бокс. Теперь же у меня был официальный проект приказа №14/сб — окончательное закрепление моего статуса перед чиновниками сборной.

В приемной главного тренера на втором этаже стоял густой, едкий запах табачного дыма «Беломора» и полированного дуба. Сквозь полуоткрытую створку кабинета доносился визгливый, срывающийся на фальцет голос Рината Валеева. Член технического комитета федерации ходил из угла в угол, яростно рассекая воздух короткими пухлыми ручками.

— Ильдар Сабирович, ты рассудок потерял на старости лет?! — захлебывался Валеев, тыча пальцем в лежащий на столе бланк. — Девчонку с университетской скамьи, без разряда, без единого дня в сборной — сажать на инвентарь Амирова?! Ты протокол ее липовый видел? 39.82! Это погрешность датчиков! Лёд подломился, электроника с ума сошла! Если она в Москве на кубке ему клинки заперет — с кого погоны снимут? С меня?! Подпиши перевод на юношеский резерв. Пусть на сопливых кадетах свои железки обкапывает, пока Руслан жив остался!

Главный тренер сборной Бахтияров сидел неподвижно, сцепив узловатые пальцы перед массивной чугунной пепельницей. Его тяжелое, изборожденное морщинами лицо напоминало обветренный гранитный утес. Он молчал, но в прищуренных глазах тлело глухое бешенство.

Я шагнула через порог и затормозила тележку у стены. Металл звякнул о паркет.

— Время подтверждено двумя независимыми засечками, Ринат Тагирович, — отчетливо, стараясь не дрожать от переполнявшего меня гнева, произнесла я. — А вот пластическая деформация ваших хваленых голландских кронштейнов «Marle» — почти три десятых миллиметра на каждом вираже. И если бы Руслан бежал на вашем металле еще два круга, кронштейн бы срезало в мясо. Хотите протокол независимой экспертизы с подписью проректора?

Валеев резко обернулся, его лицо налилось дурной багро-

вой кровью:

— Рот закрой, соплячка! Здесь сборная страны, а не твой сраный кружок юных техников! Ты отсюда вылетишь быстрее, чем...

Дверь кабинета распахнулась с таким грохотом, что оконные стекла в рамах жалобно звякнули.

В проеме стоял Руслан. Волосы после душа еще были влажными и темными, на широких плечах висела расстегнутая олимпийка сборной, а в руках он держал свои соревновательные коньки с матовыми, отливающими графитовой синевой клинками «Вектор-М». Его лицо было бледным, под глазами залегли тени от изнуряющей боли в ушибленном бедре, но шаг оставался твердым, чеканным.

Руслан прошел мимо Валеева, глядя сквозь него. Подошел к столу Бахтиярова и с глухим, леденящим стуком опустил коньки прямо на раскрытую папку с документами.

— Если Сафину снимут с проекта, — спокойно, пугающе тихо произнес Руслан, и от этого шёпота холод прокатился под ребрами, перехватив дыхание, — я сегодня же кладу на этот стол официальный отказ от участия в этапе Кубка России и подаю заявление на самоподготовку.

В кабинете повисла мертвая, звенящая тишина. Было слышно, как на подоконнике монотонно бьется осенняя муха.

— Руслан, ты в своем уме?! — взвизгнул Валеев, отступая

на шаг. — Ты капитан! У тебя контракт с министерством! Тебя дисквалифицируют к чертовой матери на два сезона!

— Пусть попробуют, — Амиров медленно повернул голову к функционеру, и Валеев мгновенно захлебнулся собственным криком под тяжестью его немигающего волчьего взгляда. — Я пять лет выигрывал для этой страны спринт на сломанных костях и кривом железе, которое ты за откаты тащил из Роттердама. Хватит. Либо Камилла Дамировна готовит мне лезвия и костюм, либо на пятисотку выставляй своего Зубова. Пусть он тебе тридцать девять секунд показывает. Если не разобьется на первом же повороте.

Бахтияров тяжело перевел дыхание. Его кулак с сокрушительной силой обрушился на полированную столешницу, заставив подпрыгнуть бронзовый письменный прибор.

— Цыц оба! — рывкнул главный тренер. Он выхватил перьевую ручку, размашисто черкнул синими чернилами по нижнему краю бланка и швырнул бумагу Валееву в грудь: — Приказ подписан. Сафина — ведущий биомеханик группы спринта. Под мою личную ответственность. Пошел вон отсюда, Ринат. Чтобы до вечера я твоей физиономии в коридоре не видел.

Валеев судорожно сжал в кулаке приказ, с ненавистью полоснул взглядом сначала по Руслану, затем по мне:

— Вы еще пожалеете. Оба. В центральный бокс инвентаря ты, Сафина, даже на пушечный выстрел не подойдешь.

Там работают аттестованные механики, а не шпионы из институтов.

— Нам не нужен твой свинарник, — бросил Руслан ему в спину. Он повернулся к настенной схеме ледового дворца, ткнул пальцем в глухой закуток под трибуной первого виража: — Бокс номер четыре нам уже выделен. Прямой выход к стартовому створу, двадцать метров до льда. Мы забираем его.

Бахтияров молча кивнул, подтверждая ночное решение:

— Забирайте. Семеныч там печати налепил по указке Рината — сорвите. Разгребете хлам — и работайте. И давай к физиотерапевту, Амиров. Ты еле на правой ноге стоишь, я же вижу.

Я потянулась к ручке тележки, но Руслан перехватил инициативу. Его пальцы — сухие, обжигающе горячие — мягко, но властно сомкнулись на моих запястьях, заставляя выпрямиться.

— Оставь, я сам, — тихо сказал он.

Он взялся за ручку тележки левой рукой, а правую ладонь уверенно положил мне на талию, прижимая к своему широкому, горячему боку. Я почувствовала сквозь ткань свитера плотное, надежное биение его мышц, пьянящий запах чистого мужского тела, мыла и ледяного ветра. Мое сердце забилося где-то у самого горла.

Мы вышли в полутемный служебный тоннель сектора

«А». У массивной дубовой двери бокса №4 переминался с ноги на ногу дежурный комендант арены Семеныч — низенький мужичок в засаленном синем фартуке.

— Не положено, Руслан Маратович, — залепетал он, пряча руки за спину. — Бокс опечатан комиссией по инвентаризации. Ринат Тагирович строго-настрого велел до понедельника никого...

Руслан сделал всего один шаг вперед. Его фигура заслонила собой весь тусклый коридорный плафон. Он протянул раскрытую широкую ладонь, глядя коменданту прямо в переносицу:

— Снимай пломбы, Семеныч. Приказ подписан. Ключ у Камиллы со вчерашнего вечера. Или я сниму эту дверь с петель вместе с коробкой, а акт списания подпишу у директора базы лично. Время пошло.

Семеныч судорожно сглотнул, побелел как мел и торопливо сорвал бумажные пломбы:

— Да я что... я ж по инструкции... Забирайте, ради бога... Я достала врученный Бахтияровым ключ. Тяжелая дверь со скрипом распахнулась.

Внутри стоял затхлый запах застарелой сырости, машинного масла и прелого поролонa. Помещение площадью около тридцати квадратных метров было до самого потолка завалено сломанными деревянными брусьями, горами рваных защитных матов и отработанными покрышками от ледовых

картов, которые люди Валеева годами сваливали сюда вместо свалки. В центре стоял лишь один массивный слесарный верстак из полудюймового стального листа, чудом уцелевший под слоем вековой пыли.

— Ну и свинарник, — выдохнула я, глядя на этот завал.
— Нам неделю это разгрести...

— Полчаса, — коротко отозвался Руслан и позвонил Матвею: — Бери ребят. Нужны руки.

Он сбросил олимпийку на верстак, оставшись в облегающей черной майке без рукавов. Под тонким трикотажем бугрились рельефные, выточенные многолетними спринтерскими объемами мышцы спины и плеч. Каждое движение было выверено до миллиметра. Он подхватил крышку и понес ее к дверному проему. Вскоре прибежали Матвей с двумя ребятами: тяжелые брусья они разобрали сами, а Руслана, ворчащего и упрямого, оставили сортировать легкий хлам.

Я заворуженно смотрела, как перекачиваются под загорелой кожей жгуты его широчайших мышц, как блестят на висках бисеринки пота, и против воли чувствовала, как к щекам приливает густая волна жара. Чтобы скрыть смущение, я достала из сумки флакон технического изопропилового спирта, упаковку безворсовых салфеток и принялась яростно оттирать стальную столешницу верстака.

Через полчаса ребята унесли последний поломанный брус и укатали контейнер. Просторное бетонное помещение преобразилось: мощная приточно-вытяжная вентиляция загу-

дела в потолок, вытягивая затхлый воздух, а яркие люминесцентные лампы озарили серые стены чистым белым светом. Это было настоящее убежище. Суверенное, изолированное от завистливых глаз и козней федерации.

— Помоги с плитой, — позвала я, открывая второй кейс.

Вместе мы извлекли сорокакилограммовую гранитную плиту — оптическую базу интерферометра. Когда камень лег на деревянную подложку верстака, лазерный уровень на его грани тревожно замигал красным: крен составлял 3.5 градуса. Верстак стоял на кривом стыке бетонных плит пола.

— Так нельзя, — покачала я головой, заглядывая в окуляр нивелира. — Для юстировки геометрии клинка мне нужна плоскостность с погрешностью не больше пяти микрон. Любой наклон даст искажение кривизны.

Руслан молча опустился на колени на холодный бетон. Достал из-под верстака обрезки калиброванной стальной полосы толщиной в пару миллиметров, подложил под массивную правую ножку и поднял тяжелый слесарный молоток:

— Смотри в прибор. Командуй.

— Еще полмиллиметра слева... Чуть ударь... Еще... Стой! Ноль! Абсолютный горизонт!

Он поднялся с пола, вытер мокрый лоб тыльной стороной ладони и коротко, открыто улыбнулся мне. В этой улыбке не было ни капли той ледяной брони, которой он отгораживался от внешнего мира. Была простая мужская радость от тяжелой, ладно сделанной работы.

— Теперь замок, — сказала я, доставая из кармана плоскую черную коробку с автономным биометрическим контроллером.

За десять минут я закрепила стальной ригель на тяжелой двери и подключила оптический сенсор.

— Смотри. Прикладываешь большой палец сюда.

Я взяла его правую руку. Его пальцы были жесткими, со следами старых порезов от заточных камней, но когда моя ладонь коснулась его кожи, Руслан едва заметно вздрогнул. Я мягко прижала его подушечку к сапфировому стеклу сканера. Зеленый светодиод весело мигнул, подтверждая запись дактилоскопической карты.

— Доступ открыт только для двоих, Руслан, — тихо произнесла я, глядя ему прямо в глаза. — Для меня и для тебя. Ни Греков, ни Валеев, ни одна живая душа сюда без спроса не войдет.

Он не отнял руки. Его пальцы сжались на моей ладони — крепко, до легкой боли, передавая ту несокрушимую, стальную силу, которой жил этот человек.

— Спасибо, Камилла, — глухо сказал он. — А теперь — веди меня на казнь. Нога горит так, словно туда раскаленный штырь вогнали.

Глава 6

В физиотерапевтическом отсеке базы царил полумрак. Врач сборной уже осмотрел Руслана и оставил его отдыхать до повторной проверки. Я пришла помочь с экипировкой, а вовсе не заменить медицинскую службу. Сквозь матовые жалюзи сочились синеватые вечерние сумерки. Воздух здесь был густым, напоенным аптечной смесью камфоры, ментола, сухой лаванды и спирта.

Руслан сидел на высокой массажной кушетке, сбросив тренировочные штаны и оставшись в одних коротких спортивных шортах. Огромная багровая гематома на внешней поверхности его правого бедра за день потемнела, налившись зловещим сливовым отливом. Мышечные волокна латеральной головки квадрицепса свело в тугой, каменистый желвак.

Не успела я закрыть за собой дверь, как он сжал зубы и резко дернулся, пытаясь соскочить с кушетки на пол:

— Хватит расслаиваться. Если сейчас не сделаю серию плиометрики и выпрыгиваний, завтра нога просто откажет на стартовой засечке.

При первом же касании стопой линолеума его лицо исказила гримаса дикой боли. Спазмированная мышца прострелила судорожным разрядом, колено подломилось, и Руслан

качнулся в сторону, с грохотом зацепив плечом никелированную стойку капельницы.

Я среагировала мгновенно. Сделала два быстрых шага, шагнула прямо в пространство между его коленями и обеими ладонями с силой уперлась в его обнаженную, горячую грудь.

— Ляг немедленно! — мой голос прозвучал с такой яростной, непререкаемой строгостью, что он замер, ошеломленно глядя на меня. — Ты выдающийся спринтер, Амиров, но сейчас упрямишься как круглый дурак! Врач сказал: никаких выпрыгиваний до повторного осмотра. Хочешь сорвать себе Кубок? Ложись на спину, я сказала!

Мои ладони горели от жара его кожи. Под моими пальцами яростно, часто колотилось его сердце, а широкая грудная клетка вздымалась от тяжелого дыхания. Руслан медленно, не отводя от меня потемневших глаз, поднял руки и осторожно накрыл мои запястья:

— Ладно, физик. Сдаюсь. Командуй.

Он откинулся на кожаный валик кушетки, заложив руки за голову.

Я выдохнула, пытаюсь унять предательскую дрожь в коленях, и опустилась на край кушетки возле его ноги. Он держал бедро напряженным даже лежа. Я осторожно коснулась здорового участка кожи выше колена.

— Расслабься, — шепнула я, наклоняясь ближе. — Не вой со мной, Руслан. Я не буду давить на ушиб. Просто поле-

жи спокойно.

Он посмотрел на мою ладонь и шумно выдохнул. Я осталась рядом, пока пальцы на краю кушетки не разжались.

Моя ладонь скользнула чуть выше латерального края надколенника, и пальцы наткнулись на глубокую, грубую борозду. Застарелый келоидный рубец длиной сантиметров пятнадцать пересекал бедро наискось.

Едва я коснулась неровных краев старого шва, всё тело Руслана дернулось, словно от удара током. Он инстинктивно попытался подогнуть колено, закрывая отметину рукой:

— Не надо туда. Там старье.

Я сохранила контакт, накрыв его напряженные пальцы своей ладонью и мягко отведя его руку в сторону. Мои кончики пальцев с бесконечной, щемящей нежностью огладили белесый след хирургических скоб.

— Саппоро? — тихо спросила я. — Финал в Саппоро три года назад?

Руслан замер. Его взгляд устремился в темнеющий потолок, кадык судорожно дернулся:

— Да. Открытый оскольчатый со смещением. Кость вышла наружу сквозь комбинезон. Валеев на следующее же утро принес в палату расторжение контракта. Сказал главному врачу: «Списывайте калеку, он больше на лед не встанет, не тратьте дорогие медикаменты». А я через пять месяцев выиграл первенство Москвы на одной ноге.

Его голос звучал глухо, наполненный застарелой, выжженной дотла яростью и ледяной пустотой пережитого предательства. Сердце сжалось от такой пронзительной боли за него, что мне захотелось наклониться и прижаться губами к этому страшному шраму.

— Ты не калека, Руслан, — прошептала я, глядя на его мужественный профиль. — Ты сделан из титана. Но даже титану иногда нужна забота.

Я потянулась к сумке за чистой салфеткой. В кабинете было жарко; расстегнув две верхние пуговицы белого рабочего халата, я смочила салфетку у умывальника и промокнула шею. Капля воды скользнула в ложбинку между ключицами.

Руслан следил за моими пальцами так пристально, что я вдруг забыла, зачем взяла салфетку. Я потянулась прикрыть ворот — и замерла под его взглядом.

Он вздрогнул всем телом. Его глаза распахнулись — темные, бездонные, горящие таким густым, первобытным пламенем, что воздух в комнате словно сгустился до состояния электрической плазмы. Он не сводил взгляда с капли воды на моей шее, с бьющейся на ней жилки, с моих пальцев, замерших у ворота. Его грудь тяжело вздымалась, желваки ходили ходуном.

— Сафина... — хрипло, надтреснуто выговорил он, сглатывая вязкую слюну. — Ты меня с ума сведешь.

— Молчи, Амиров, — с трудом сохраняя ровный тон, отозвалась я, хотя мои щеки полыхали так, словно я стояла у

мартеновской печи. — Это чистая забота о температурном режиме. Мне жарко.

Врач вернулся как раз вовремя, чтобы я успела застегнуть халат и восстановить хотя бы видимость самообладания. Он повторно осмотрел бедро, сам наложил тейп и попросил Руслана осторожно встать. Я стояла рядом, готовая поддержать его.

Руслан спустил ноги на пол. Осторожно поднялся во весь свой немалый рост. На его лице отразилось привычное ожидание резкой, колющей вспышки боли — он рефлекторно завалил корпус влево, разгружая правую сторону.

— Не хитри, — сказал врач, заметив перекос. Я подошла к Руслану вплотную и протянула руки. — Смотри на меня, — попросила я. — Делай, как тебе говорят. Я рядом.

Он посмотрел мне в глаза — и повиновался. Медленно, контролируя движение, Руслан выполнил короткую пробу, которую попросил врач.

Руслан остановился и прислушался к себе. Лицо оставалось напряженным, но он больше не хватался за бедро.

Руслан медленно распрямился. На его губах расплылась широкая, ошеломленная, почти детская мальчишеская улыбка — такая открытая, словно он и сам забыл, что умеет так улыбаться.

— Держит... — выдохнул он, делая пружинистый шаг вперед, затем второй. — Сафина, черт тебя дери, уже легче! Словно кто-то отпустил ручник!

— Вот и слушай врача, — фыркнула я, чувствуя, как с души спадает тяжелая каменная плита. До скоростной работы Руслана еще не допустили: сначала отдых и повторный осмотр утром.

Я повернулась к белому фаянсовому умывальнику в углу кабинета, открыла кран и подставила руки под прохладную струю воды, смывая пыль после возни с экипировкой.

Руслан подошел сзади абсолютно бесшумно. Я не успела даже обернуться, как его сильные руки легли на мои, перекрывая вентиль крана. Мягким вафельным полотенцем он бережно, палец за пальцем, осушил мои влажные ладони.

Его горячие руки ласково сомкнулись на моих кистях, а пальцы плавно скользнули по запястьям вверх. Он медленно поднес мою правую ладонь к своему лицу, склонил голову и прижался горячими, сухими губами к чувствительной внутренней стороне моего запястья — прямо туда, где под тонкой светлой кожей испуганной птицей колотился мой пульс.

От этого прикосновения меня словно прошило электрическим разрядом в тысячу вольт. Ноги стали ватными, дыхание перехватило. Руслан замер, вдыхая аромат моей кожи, и его хриплый, низкий шепот обжег мне висок:

— У тебя святые руки, Камилла. Ты вернула мне веру в людей за один этот вечер.

В зеркале над умывальником я видела наши отражения: высоченный, широкоплечий воин льда и тонкая девушка-ученый в белом рабочем халате, стоящие в полумраке,

прижавшись друг к другу. И я знала, что с этой секунды служебные барьеры между нами перестали существовать навсегда.

Глава 7

На следующий день ровно в полдень бокс №4 напоминал эпицентр научной революции. На верстаке ровным изумрудным светом сияли диоды оптического стенда, а я заканчивала юстировку интерферометра стоимостью в четыре с половиной миллиона рублей. Прибор должен был снять трехмерную карту остаточных напряжений в клинках «Вектор-М» после первого рекордного забега.

Я щелкнула тумблером на блоке питания, готовясь запустить лазерный луч.

Внезапно в настенном распределительном щитке раздался резкий, сухой хлопок, похожий на пистолетный выстрел. Из вентиляционных щелей щита повалил густой, едкий сизый дым с запахом горячей виниловой изоляции. Цифровой вольтметр на вводе взбесился: цифры скакнули от нормального значения далеко за допустимый предел!

— Межфазное! — крикнула я в пустоту бокса.

Я ударила ладонью по наружной кнопке аварийного отключения. Свет мгновенно погас, приборы пискнули и замолчали. Успела ли я спасти стенд, предстояло узнать после проверки. Сейчас нужно было выйти и вызвать охрану.

Задышавшись от ядовитой гари, я распахнула дверь бокса и выскочила в служебный коридор. У главного распределительного шкафа сектора «А» уже стоял дежурный электрик

базы — полупьяный мужик в мятом комбинезоне, меланхолично ковырявший в зубах спичкой.

— А я чего? — уныло протянул он, глядя на дымящиеся внутренности шкафа. — Проводка с восьмидесятых годов не менялась. Фазу на ноль перехлестнуло. Тут всю трассу под трибунами вскрывать надо. Дня три, не меньше. Ждите понедельника, девчат.

— Какого понедельника?! — задохнулась я от возмущения. — У нас калибровка клинков через два часа! Вы понимаете, что сорвали график национальной сборной?!

— Не свисти, Михалыч! — раздался из-за поворота звонкий, дерзкий голос.

В коридор пружинистым шагом влетел Матвей Киселев — второй номер сборной в спринте, племянник мастера дяди Миши. На нем был легкий тренировочный комбинезон, а в руках он вертел портативный профессиональный мультиметр с длинными щупами.

Матвей остановился у шкафа и посветил на сорванную пломбу фонариком смартфона:

— Смотри сюда, Камилла! Тут кто-то уже лазил. Михалыч, щит обесточить и никого к нему не пускать. Пусть аварийная служба разбирается.

Я набрала пост охраны и попросила прислать начальника смены: обычной поломкой это уже не выглядело.

В этот момент в дальнем конце коридора, у металлической двери пожарного выхода, мелькнула тощая фигура в

темно-синей клубной куртке. Дверь скрипнула, нарушитель бросился вверх по ступеням.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.